

МЕЧТАТЕЛИ И ДВОЙНИКИ

На чем зиждется отношение Владимира Набокова к Федору Достоевскому?

Независимая газ. — 1999 — апр. (№ 8). — С. 9-10

Джулиан Коннолли

ВСЯКИЙ раз, когда мы имеем дело с набоковскими «твердыми мнениями», возникает необходимость делать различие между тем, что высказывалось им в лекциях и интервью, и более тонкими реминисценциями и аллюзиями, присутствующими в его литературных текстах. Это особенно верно в случае обращения Набокова с Достоевским. Существуют огромные различия в художественном temperamente, стилистике, философском мироощущении двух авторов, известна афишируемая набоковская антипатия к излишествам Достоевского. Но если охватить взглядом все творчество Набокова, то выяснится, что Достоевский не был для него лишь предметом насмешек. Важнее всего в Достоевском для Набокова были, возможно, исследования человеческого сознания. Молодой писатель нашел в творчестве Достоевского целый ряд идей, приемов, которые помогли ему в создании «портретов» человеческой души и одержимости (навязчивых идей).

ОТГОЛОСКИ

Уже в первом романе «Машенька» (1926) различимы отголоски Достоевского. Главный герой его Лев Ганин, похоже, дальний родственник персонажа, представленного в ранних произведениях Достоевского как мечтатель (фельетон «Петербургская летопись» (1847) и рассказ «Белые ночи» (1848).

По Достоевскому, мечтатель — это тот, кто теряет связь с повседневностью из-за опьянения манящими плодами собственного воображения. Мир воображаемый для него более реален и привлекателен, чем место, где мы едим, спим, двигаемся. Молодой повествователь «Белых ночей» описывает одну из своих сияющих фантазий — любовь молодого человека и женщины в мрачном, запущенном саду. История продолжается с некоторыми осложнениями — старый муж, разлука любовников и, наконец, их соединение владели

ли от родных берегов на чужой земле. Погруженный в мечтания герой вдруг странно и внезапно оказывается прерван милой старушкой, которая учтиво останавливает его посреди улицы и вежливо просит указать ей дорогу. Ганин тоже пойман в сеть фантазий о любви, случившейся в темных аллеях старого поместья в России и оборвавшейся расставанием. Женщина, которую он любил, теперь замужем за пожилым человеком, и Ганин представляет воссоединение со своей возлюбленной на чужой земле, в Германии. Погруженный в свои видения, бродит он по городу, его вежливо останавливает прохожий, спрашивая, как пройти на такую-то улицу...

Как и мечтатель Достоевского, Ганин чувствует, что сцены, созданные его фантазией, более реальны, чем мир, в котором движется его тело. Следует отметить, что погружение Ганина в воспоминания о своей любви длится четыре дня и заканчивается утром пятого дня — а это почти в точности тот промежуток времени, который требуется герою из «Белых ночей», чтобы пережить любовь к женщине в «Белых ночах».

Конечно, мечтания Ганина — это воспоминание и воссоздание реальной любви. Но опыт влюбленности и утраты мечтателя Достоевского также имеет своим источником память. Более того, он называет себя поэтом и, возможно, случившееся с ним художественно переосмыслено. В какой-то момент женщина, с которой он разговаривает, упрекает его: «А то вы говорите так, точно книгу читаете». (И это странным образом предвосхищает замечание Долли Гейз, обращенное к Гумберту.)

Оба текста оканчиваются сценами пробуждения с новым видением мира. Но на этом сходство заканчивается. Раздавленный рухнувшими романтическими надеждами, герой Достоевского видит, что мир стал старше и темнее. Ганин, напротив, пробуждается, чтобы увидеть мир, наполненный светом и новыми надеждами. Слово, отвлекая внимание от несоответствия состояния ума своего героя настроению мечтателя Достоевского, Набоков «повторяет» эпизод. «Не знаю отчего, но когда я выглянул в окно, мне показалось, дом напротив обрел и потемнел», — размышляет мечтатель. Ганин же видит новое строящееся здание: «Деревянный переплет горел как золото на солнце». Достоевский оставляет своего меч-

тателя одного и без движения в комнате, пассивно размышляющего над рушащимися остатками его невоплощенных мечтаний. Набоковский Ганин покидает комнату и уверенно идет навстречу новым приключениям.

Заканчивая роман таким образом, Набоков намекает на то, что Ганин достиг своего рода гармонии между реальностью и мечтой. Оставаясь приверженцем неисчерпаемых богатств фантазии, Ганин обнаруживает в себе и новую чувствительность к богатству ощущений реальной жизни. Мечтатель же Достоевского столь зависим от собственных мыслей-фантазий, что, столкнувшись с реальностью, разбивается вдребезги.

Не вызывает сомнений также, что роман «Двойник» (1846) сыграл большую роль в исследовании Набоковым различных измерений человеческого сознания. Вот несколько основных тематических моделей «Двойника», которые характерны для набоковского творчества начиная с 30-х годов.

В «Двойнике» Достоевский рассказывает о человеке, который отчаянно неуверен в своем месте в мире. Переходя от самобичевания к самоутверждению, Голядкин столь сильно страдает от своей уязвимости, чувствительности, что переживает своего рода удвоение индивидуальности. Он попеременно старается то подружиться со своим двойником, то выставить его обманщиком. В конце концов Голядкин охватывает страх, что его двойник займет его место в мире. Анализ набоковской прозы показывает, что он внимательно изучил «Двойника» Достоевского, а затем уже попытался представить другие способы разработки этого мотива в романах «Отчаяние» и «Соглядатай».

Одна из самых удивительных черт «Двойника» — двойственное чувство, которое остается в сознании читателя. Когда Голядкин воображает, что двойник занял место за столом напротив него или украл документ прямо у него из-под носа и несет в кабинет директора, читатель не уверен, вообразил ли Голядкин все это, или в самом деле есть другой человек, на которого герой экстраполирует свое ощущение физической идентичности. (Один критик отмечал, что почти все эпизоды, описанные в «Двойнике», — галлюцинации Голядкина.)

(Окончание на стр. 10)

Это я, Владимир Сирин,
В шляпе, в шелковом кашне.
Жизнь прекрасна, мир обширен,
Отчего ж так грустно мне?

Берлин, 1925

(Окончание. Начало на стр. 9)

Набоков создал ряд удивительных вариаций этой же темы. В «Соглядатае», например, утверждение повествователя, что он наблюдает за независимым «другим» — Смуровым, — оказывается ложным. Двойника не существует, есть лишь рассказчик, который решил оценить себя снаружи, со стороны, и это своего рода защита от общественного мнения. Хотя изначальные условия создания «другого» в «Соглядатае» связаны с ситуацией, весьма напоминающей «Двойника», Набоков предлагает иное ее разрешение. Голядкин страшно боится потерять свое место в мире; в ночном кошмаре он видит орды Голядкиных, заполняющих Петербург. Повествователь Набокова, напротив, заявляет, что рад факту собственного несуществования и, кажется, наслаждается, собирая многочисленные образы Смурова, кружащиеся вокруг него. В этом одно из основных различий между текстами Достоевского и Набокова. У Достоевского ощущение беспокойства, ужаса, угрозы. История Набокова передается с характерной безжалостной бравадой.

В «Соглядатае» один вариант изначальной ситуации «Двойника»: герой заявляет, что наблюдает за человеком, выступающим в качестве его соперника в определенных ситуациях, но это оказывается иллюзией. Смуров и повествователь — не разные люди, но один и тот же человек. В «Отчаянии» Набоков предлагает новый вариант решения ситуации, на сей раз переводя ситуацию «Соглядатае». Здесь повествователь — Герман настаивает на том, что обнаружил абсолютного двойника в виде бродяги Феликса. Но это разные люди. Трюк в том, что Герман и Феликс вовсе не похожи друг на друга. Так Набоков «присвоил» фундаментальную двойственность, созданную Достоевским, и разрешил ее в двух разных направлениях.

ТИРАЖИРУЯ СВОЕ «Я»

Создавая «Отчаяние», Набоков обращался и к другим произведениям Достоевского: это идея совершенного убийства ради абстрактной эгоистической идеи («Преступление и наказание») и возбужденный, лживый тон исповеди («Записки из подполья»). В смысле демонстрации множества интертекстов Достоевского «Отчаяние» уникально. Некоторые критики отмечали, что роман Набокова пародирует повествовательные и композиционные черты, которые обычно считаются характерными для Достоевского. Вместе с тем, как показал Александр Долинин, мишенью пародии Набокова в

МЕЧТАТЕЛИ И ДВОЙНИКИ

русском варианте «Отчаяния» был прежде всего не сам Достоевский, но влияние Достоевского на русскую литературу — от символистов до постреволюционных модернистов. 20 марта 1931 года в Берлине Набоков говорил об этом в речи под характерным названием «Достоевский без достоевщины». Но, готовя роман к переводу, автор сместил пародию так, что ее мишенью стал непосредственно сам Достоевский.

Центральная тема «Двойника», развитая в «Соглядатае» и «Отчаянии», а именно заикленность персонажа на своем alter ego и озабоченность возможным смещением или вовсе сменой идентичности, стала основной темой Набокова в будущем. И он создал еще несколько великолепных вариаций на эту тему. Так, следы ее обнаруживаются в «Приглашении на казнь», в «Даре». Она возникает как центральная тема в «Подлинной жизни Себастьяна Найта», в «Бледном пламени». В романах этих читатель находит нечто прямо противоположное напряженности «Двойника» — герои Набокова обычно приветствуют идею о том, что во Вселенной есть и другие создания, похожие на них.

Отчасти подобное отношение отражает собственную склонность Набокова вообразить иные идентичности. Однажды он сказал, что люди «недооценивают силу его воображения и способность бесконечно тиражировать свое «я». Он часто создавал воображаемые alter ego, которые появлялись в разных видах, порой с анаграммами его имени. Когда его спросили о круге знакомых в Монре, он высказался в совершенно антиголядкинской манере: упомянув уток Женевского озера, свою сестру Елену, Вану Вина (он заканчивал «Аду»), он вспомнил «о мистере Вивиане Бэдлуке».

За юмором здесь можно разглядеть глубинное желание преодолеть границы тюремного солипсизма собственного «я». В связи с этим вспоминается набоковский анализ взаимоотношений писателя и его читателей. «Я полностью за бабину из слоновой кости и за то, чтобы писать ради наслаждения одного читателя — себя самого. Но необходим и отзыв, если не отклик, и хотя бы скромное «умножение» собственного «я» в одной стране или нескольких странах».

К тому времени, когда Набоков написал «Бледное пламя», усложненность его произведений шагнула далеко за пределы лукавых вариаций на темы идентичности и двойничества в «Соглядатае» и «Отчаянии». Отношение его к наследию Достоевского также претерпело значительные изменения. В середине 40-х годов, начав преподавать русскую литературу американским студентам, он перечитал и переосмыслил многие произведения русских писателей. Глядя на них взглядом и преподавателя, и писателя, он вырабатывал более критическое отношение к Достоевскому. Его высказывания известны, так что повторять их я не буду. Но одно замечание из интервью 1963 года суммирует его взгляд на Достоевского: «Он был пророком, пустым журналистом, поспешным комедиантом... Выносить его чувствительных убиц и душевных проститутток совершенно невозможно — по крайней мере для меня». Последнее, конечно, относится к «Преступлению и наказанию» и напоминает более развернутый в корнельских лекциях анализ предложения из романа Достоевского: «Затем следует эта фраза, непревзойденная по глупости в мировой литературе». Речь идет о фразе, где при свете огарка в белой комнате убийца и блудница читают вместе Библию. Набоков считает совершенно неприемлемым соединение бесчеловечного и идиотического убийства Раскольникова с сульбой девочки, которая оскорбляет человеческое достоинство, торгуя телом. Он отмечает, что, описывая в деталях преступление Раскольникова, автор ничего не сообщает о действиях Сони как проститутки. Набоков называет это «прославленным клише»: «Грех блудницы, само собой разумеется, принимается на веру. Но подлинный художник никогда и ничего не принимает на веру».

Я считаю, что негодование Набокова по поводу разработки темы взаимоотношений Раскольникова и Сони сыграло важную роль в создании «Лолиты» в корнельские годы. В романе присутствует полемика, направленная против Достоевского, и нити этой полемики сконцентрированы на взаимоотношениях между Гумбертом и Долорес и на том, как Гумберт, в качестве повествователя обращается с ней как с объектом повествования. Исследователи отмечали, что тема социального совращения малолетних в «Лолите» напоминает целый ряд сходных эпизодов в книгах Достоевского: это репутация Свидригайлова как совратителя малолеток в «Преступлении и наказании», это Николай Ставрогин в «Бесах», признающийся в совращении ребенка двенадцати лет, то есть в возрасте Лолиты, когда Гумберт впервые видит ее.

Обращение Набокова к этой теме вводит его в тонкую и действенную полемику с Достоевским. (Подобно тому как Набоков отметил с возмущением отсутствие авторского внимания к Соне и ее судьбе, Катрин О'Коннор отметила, что девочка из признания Ставрогина вряд ли существует как реальное лицо.) В «Лолите» Набоков очень тонко исправляет это невинное к живой личности ребенка. Сначала он создает повествователя, который, кажется, повторяет фундаментальную ошибку Достоевского: Гумберт почти полностью концентрируется лишь на своем страдании, на своем преступлении, не позволяя читателю проникнуть во внутренний мир его жертвы. Вместе с тем у читателя романа достаточно возможностей увидеть, что за образом Гумбертовой Лолиты существует живой и отважный ребенок, который борется за свою независимость...

В 1966 году Набоков публикует английский перевод «Отчаяния», где вновь издевается над

своим известным предшественником за то, как он представил нечеловеческое и идиотическое преступление Раскольникова. В интерпретациях Сергея Давыдова, Александра Долинина, Джона Берта Фостера-мл. определены многие элементы романа Набокова, делающие его как бы ответом Достоевскому и отрицанием его искусства. Но следует иметь в виду (вместе с Долининым) и важность изменений, которым подверг свой текст Набоков. Теперь он сместил пародию на достоевщину с творчества таких «эпигонов», как Леонид Андреев и Илья Эренбург, на самого Достоевского. Вспоминая набоковскую критику «Преступления и наказания» в корнельских лекциях, следует обратить внимание на то, как страстно он отвергал Раскольникова в качестве чувствительного убийцы. Он не только считал предложенные Достоевским причины преступления Раскольникова крайне запутанными, но и обвинял его в отсутствии подлинного развития характера этого героя. «Мы видим человека, который проходит путь от тщательно заранее замысленного убийства до обещания достижения некой гармонии с внешним миром, но все это происходит снаружи».

В предисловии к английской версии «Отчаяния» Набоков обращается к идее развития и изменений в его собственных героях. Писатель указывает на существенную разницу между Гумбертом (чье чувство вины и раскаяния обсуждалось множество раз) и Германом, который отказывается признать собственную неправоту: «Оба — невротические подлецы, и все же существует зеленая тропинка в Раю, где Гумберту разрешено гулять в сумерках раз в год, но для Германа пути из Ада нет».

Через этих двух героев Набоков предлагает как бы два разных ответа на тот тип персонажа, который создает Достоевский в Раскольникове. Гумберт претерпевает ряд внутренних изменений, и это приводит к ошутимым результатам. С другой стороны, в образе Германа Набоков предлагает опровержение модели Раскольникова: убийца не меняется и не признает своей вины. Кроме того, его преступление остается без наказания. В этом смысле, возможно, мнение Германа, что «грозное сходство с Раскольниковым отменяется», — в чем-то верно. Хотя во многих отношениях он — бесплодный последователь Раскольникова, с ним не происходит никакой религиозной метаморфозы, он остается грязным убийцей до самого конца.

Итак, отношение Набокова к Достоевскому претерпело заметную эволюцию. От явного интереса к тому, как Достоевский обращался с вопросами идентичности, иллюзии, умножения «я» и т.д., он переходит ко все более критическому отношению к тому, что считал его недостатками как художника. В результате Набоков ограничил свою критику «чувствительным убийцей» и «душевной проституткой». Чувствуя примат аллегории и идеологии над эстетикой, он пытался пародировать и низвергнуть самую известную фигуру художественного мира Достоевского, а также переписать заново его классического героя.

Взятое в целом отношение Набокова к Достоевскому образует сложный узор, отмеченный точками удивительного взаимодействия и в то же время неприятия и отторжения.

Статья написана на основе доклада, прочитанного на Набоковской конференции в ИМЛИ (Москва) в апреле 1999 г.

Иллюстрация к повести Федора Достоевского «Белые ночи». Работа Мстислава Добужинского

Жизнь коротка, искусство вечно
Приложение к «Независимой газете» по культуре и искусству

КУЛИСА

Выходит два раза в месяц
Ответственный редактор
Виктория ШОХИНА

Над номером работали:

Павел Белицкий, Григорий Заславский, Владимир Халтурин,
Екатерина Барабаш (ТВ), Антонина Крюкова (ТВ)

Корректура:

Нина Гайдукова, Светлана Игнатова

Компьютерная верстка:

Сергей Курышев, Наталья Зинякова, Дарима Туратбекова, Татьяна Матвеева,
Татьяна Тулупова, Надежда Романова, Марина Спирина, Константин Федулов

Иллюстрации:

Дина Нурмухаметова, Илья Сергеев, Сергей Бомштейн

Телефон редакции
928-81-88

© «Независимая газета»